

Л. А. Фишер

ДЕМАРШ ЧАРЫКОВА В 1911 ГОДУ И ПРОБЛЕМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ

Работа представлена кафедрой русской истории.

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. Ю. Давыдов

В статье рассматривается спорный вопрос из истории внешней политики России начала XX в. – переговоры об открытии Черноморских проливов для русских военных кораблей, которые пришлось на период итало-турецкой войны 1911–1912 гг. (демарш Чарыкова).

Ключевые слова: *Итало-турецкая война, демарш Чарыкова, Черноморские проливы, Турция.*

L. Fisher

CHARYKOV'S DEMARCHE IN 1911 AND THE PROBLEM OF THE BLACK SEA STRAITS

The author of the paper considers the disputable question from the history of Russia's foreign policy of the early 20th century – negotiations on the opening of the Black Sea straits for Russian military ships, which occurred in the period of the Italian-Turkish war of 1911–1912 (Charykov's demarche).

Key words: *Italian-Turkish war, Charykov's demarche, Black Sea straits, Ottoman Empire.*

В 1911 г. началась война Италии и Турции. Русские дипломаты решили использовать создавшуюся благоприятную обстанов-

ку в Константинополе для разрешения вопроса о проливах. Посол России в Турции Николай Валерьевич Чарыков заявил: «...жаль

было бы упустить теперешний выгодный случай итало-турецкой войны и не воспользоваться им для того, чтобы подвинуть вопрос о проливах и иные здешние наши дела» [3, № 497].

Н. В. Чарыков был уверен, что европейские державы отнесутся благосклонно к выстулению России по вопросу о проливах. Он полагал, что Франция поддержит предложение России в связи с тем, что Россия окажет ей поддержку во франко-германском конфликте по марокканскому вопросу [1, с. 233].

В отношении позиции Англии Н. В. Чарыков был также настроен вполне оптимистично. «Что же касается Англии, то она, как известно, – писал Н. В. Чарыков, – сосредоточила ныне свои морские силы в Северном море и предоставила Франции заботу об англо-французских интересах в Средиземном море. Ввиду сего, возможность появления в Средиземном море военных судов, принадлежащих к Черноморскому флоту России – союзницы Франции – явилась бы для Англии уже не опасной, а скорее желательной» [3, с. 53].

Были у Н. В. Чарыкова некоторые сомнения относительно позиции Германии и Австро-Венгрии, которые могут обусловить желаемое признание русских «специальных интересов» в проливах какими-либо компенсациями. Однако эту проблему он надеялся в дальнейшем урегулировать путем переговоров [3, с. 53].

Надо полагать, что и в Петербурге тогда также расценивали внешнеполитическую обстановку как благоприятствовавшую предстоящим переговорам. 19 сентября (2 октября) товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов ознакомил Н. В. Чарыкова с проектом декларации, которая должна была служить основанием переговоров с Портой [3, с. 60–61].

Императорское правительство обязалось «оказывать турецкому правительству действительную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя ее и на прилегающие территории, в случае если этим последним будут

угрожать иностранные вооруженные силы». В обмен на эту гарантию выдвигалось требование свободного прохода для русских военных судов при условии, что они не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет обусловлено особо [3, с. 61]. В случае осуществления этого пункта соглашения под защитой России оказывались наиболее жизненно важные центры Османской империи. Фактически речь шла о предложении турецкому правительству заключить с Россией союз.

Выгодность предложенного турецкому правительству союза увеличивалась в связи с попытками турецкой дипломатии сблизиться с Англией. Последняя не смогла бы столь легко отвергнуть в дальнейшем подобного рода предложения. Логическим последствием русско-турецкого сближения было бы также изменение политики Франции в сторону большей сдержанности. Таким образом, предложения России носили характер важного политического акта с далеко идущими международными последствиями.

Декларация А. А. Нератова давала полную возможность Н. В. Чарыкову развернуть перед турецким правительством программу предстоящих переговоров с Портой по важнейшим вопросам царской внешней политики на Ближнем Востоке. Вместе с тем А. А. Нератов переложил всю ответственность за исход переговоров на Н. В. Чарыкова, предоставляя последнему расширять или сужать рамки переговоров в зависимости от отношения к нему турок [6, с. 59]. А. А. Нератов подчеркивал, что следует добиваться обещания самой Турции не противиться интересам России в вопросе о проливах, «возможные же объяснения с другими державами мы оставляем за собой» [6, с. 277]. О времени, когда можно будет фактически приступить к переговорам, Чарыков должен был быть извещен после одобрения проекта Николаем II.

Будучи одним из наиболее активных дипломатов последнего периода существования Российской империи, Н. В. Чарыков не замедлил воспользоваться предоставленным ему А. А. Нератовым правом ведения переговоров с Портой по его, Н. В. Чарыкова, усмотрению.

По его мнению, нависшая над Константинополем и проливами угроза со стороны Италии может вынудить Порту обратиться за помощью к России. «Поэтому, – писал Н. В. Чарыков А. А. Нератову, – наше ручательство за безопасность самого города и даже доступа к нему через Дарданеллы, с обороной коих Турция одна может и не справиться, а с помощью нашей эскадры и минных техников справиться легко, – создаст для Турции такое выгодное положение, что наше домогательство покажется ей уже не насилем, а спасительной гарантией» [3, с. 119].

К тому же Н. В. Чарыков также предложил дополнить проект второй статьи под литерой «Б» нератовского соглашения новым пунктом следующего содержания: «Равным образом императорское российское правительство обязуется предложить свои услуги с целью облегчить установление между императорским оттоманским правительством и балканскими государствами прочных добрососедских отношений на основе status quo» [3, № 570].

Наметив дополнительную к проекту А. А. Нератова программу переговоров с Турцией, Н. В. Чарыков торопил А. А. Нератова дать принципиальное указание по поводу его дополнений, а также срока начала переговоров. Чарыков спешил, так как хотел использовать создавшееся кризисное положение в Константинополе. Так как еще ранее, в секретном письме от 30 (17) сентября, им было высказано предположение о желательности, как минимум, получения согласия Италии и Франции на открытие проливов для русских военных судов. Когда А. А. Нератов телеграммой от 7 октября лаконично уведомил Н. В. Чарыкова, что идеи последнего, изложенные в секретном письме от 30 сентября, уже осуществлены [3, с. 93], то Н. В. Чарыков счел, что необходимый минимум для начала переговоров с Турцией уже достигнут, т. е. соглашение с Италией и Францией уже состоялось [3, с. 118]. Именно так понял Н. В. Чарыков эту телеграмму, на которую впоследствии неоднократно ссылался. В действительности было совсем иначе: речь шла лишь о высочайшем одобрении намеченного плана.

Позже, в своих мемуарах, Н. В. Чарыков с горечью писал: «Я считаю своим долгом сказать, что всегда настаивал в МИД на том, что наш план открытия проливов может быть осуществлен только при помощи Англии и Франции. В начале переговоров я получил телеграмму из МИД, информировавшую меня о том, что эта помощь обеспечена. Я предоставляю тем, кто послал эту телеграмму, решать, было ли это утверждение умышленным или невольным заблуждением» [1, с. 237].

Введенный в заблуждение относительно позиции Франции, 14 (27) ноября Н. В. Чарыков начал официальные переговоры с Портой, вручив проект декларации. В соответствии с инструкциями Министерства иностранных дел Чарыков придал проекту вид личного письма, излагающего конфиденциально лишь его мнение в связи с невозможностью, из-за отсутствия времени, согласовать с А. А. Нератовым пункты измененного им проекта, а также в связи с тем, что он был глубоко убежден в выгоде своего предложения для Турции.

Несмотря на выгоды для Османской империи проекта соглашения, предложенного Н. В. Чарыковым, великий визирь уклонился от ответа и начал затягивать переговоры. Исключительную роль в этом сыграли западноевропейские великие державы, для которых было совсем нежелательным русско-турецкое сближение. В ответ на предложение российской стороны рассмотреть пункты упомянутого соглашения представители внешнеполитических ведомств Англии и Франции тянули с ответом, отделяваясь туманными рассуждениями.

Вместе с тем турецкий кабинет решил использовать демарш Н. В. Чарыкова для того, чтобы, с одной стороны, припугнуть берлинский кабинет перспективой русско-турецкого сближения, а с другой – попытаться заключить союз с Англией, сделав последнюю гарантом территориальной неприкосновенности Османской империи, неизменности режима проливов против притязаний Италии и России и заручиться поддержкой Англии в войне с Италией [7, с. 100].

31 октября 1911 г. турецкий посол в Лондоне Тевфик-паша обратился к английскому министру иностранных дел Э. Грею с предложением заключить англо-турецкий союз. Турецкие правящие круги, затягивавшие переговоры с Россией в момент, когда нужно было готовить ответ на русские предложения, круто повернули в сторону Англии. В политических и дипломатических кругах Порты рассчитывали, что в Лондоне не могут не знать о предложениях Н. В. Чарыкова, а поэтому Тевфик-паше легко удастся склонить Англию на союз с Турцией, так как в Лондоне не могут допустить, чтобы Россия, в случае благоприятного исхода переговоров в Константинополе, укрепила бы и усилила свое влияние в Турции. Однако расчет турок на англо-русский антагонизм не оправдался. Россия была для Англии в это время менее опасным соперником, чем Германия. Англия чувствовала себя достаточно сильной, чтобы не вступать в стеснительный для нее союз с Турцией. Так же как и Франция, она не хотела связывать себя ничем в предстоящем разделе Османской империи.

3 ноября Э. Грей уведомил об этом же предложении российского посла А. Бенкендорфа. При этом Э. Грей пытался показать благосклонность Англии по отношению как к России, так и к Турции. Он усиленно доказывал, что турки хотели заключить вначале союз с Англией, чтобы затем вовлечь в него Францию и Россию. Отклонение предложения Турции со стороны Англии вызвано-де исключительно только соображениями сохранения строжайшего нейтралитета в Итало-турецкой войне, а поэтому отрицательный английский ответ Турции был-де составлен в весьма любезной форме, чтобы не нанести ущерба перспективе улучшения турецко-русских отношений [3, с. 295]. Н. В. Чарыков рассматривал разговор Э. Грея как показатель благосклонного отношения лондонского кабинета к русскому проекту о проливах. Он был убежден, что кабинет в Лондоне не только понимает, но одобряет и поддерживает русский проект относительно проливов [2, с. 648].

Но не так оценили позицию Англии правящие дипломатические круги России. 7 нояб-

ря 1911 г. А. Бенкендорф писал А. А. Нератову, что поворот дела с демаршем Тевфик-паши в Лондоне должен «вызвать отсрочку начатых нашим послом (Чарыковым. – Л. Ф.) переговоров с Портой» [3, с. 324].

Судьба предложений Н. В. Чарыкова в Константинополе была predetermined в Лондоне. Не зная об этом, Н. В. Чарыков по-прежнему упорно продолжал проводить в жизнь свою идею, несмотря на то что с получением отрицательного ответа от Англии русское предложение утратило значение для большинства турецких политических деятелей, которые вновь склонялись к Тройственному союзу. Опасаясь обострения отношений с Россией, турецкое правительство приняло срочные меры для укрепления обороны Босфора. В то же время Порты медлила с ответом на предложения Н. В. Чарыкова, надеясь, что недоброжелательная позиция европейских держав заставит петербургский кабинет отказаться от требования пересмотра режима проливов. И эти ожидания не замедлили оправдаться.

Постоянные попытки турецкой дипломатии уйти от прямого ответа на русские предложения и затяжка переговоров давали основания считать, что, по всей вероятности, переговоры с турками не приведут к желаемым результатам. Поэтому в Петербурге решили получить письменные заявления от Англии и Франции по вопросу о проливах, независимо от соглашения, которое по этому предмету было бы заключено между Россией и Османской империей. Еще 4 ноября российский посол в Париже А. П. Извольский направил соответствующий запрос в министерство иностранных дел Франции.

В свою очередь, Министерство иностранных дел Франции старалось окончательно прояснить позицию британского Министерства иностранных дел, которое еще не выразило петербургскому кабинету своего отрицательного отношения к демаршу Н. В. Чарыкова. Однако английская дипломатия продолжала затягивать с ответом. Причины, которыми руководствовались дипломаты Англии, откладывая под всяческими предлогами отрицательный ответ на русские предложения,

были вполне определенными. Они выжидали момента, когда Германия и Австро-Венгрия сорвут планы России. Формулируя позицию берлинского правительства по этому вопросу, статс-секретарь германского Министерства иностранных дел А. Кидерлен-Вехтер писал канцлеру Т. Бетман-Гольвегу 21 декабря 1912 г.: «Мы работали бы на Англию, если бы на первое же зондирование ответили отказом России... и тем самым безнадежно толкнули бы царское правительство в объятия западных держав» [8, № 11005].

По остроумному замечанию А. П. Извольского, если бы вопрос стоял в чисто дипломатическом плане, то Германии и Австро-Венгрии трудно было бы оказать России явное противодействие, иначе сразу же были бы потеряны все результаты Потсдама [3, № 843].

В конце концов, была выяснена закамуфлированная бесконечными затягиваниями негативная позиция относительно предложений России со стороны ее союзников – Франции и Англии. Только тогда, когда неудача демарша Н. В. Чарыкова стала очевидной, австро-германская дипломатия официально обнаружила свое действительное – отрицательное – отношение к русскому проекту [8, № 10995; 9, № 3046, 3065].

На судьбу русского проекта оказала влияние и возобновившаяся в начале 1912 г. с необычайной силой напряженность русско-английских отношений из-за Персии и огласка во всей западноевропейской прессе переговоров Н. В. Чарыкова.

Находясь в это время в Париже, министр иностранных дел С. Д. Сазонов телеграфировал 8 декабря А. А. Нератову: «Тревожное настроение как здесь, так и в Англии настолько сильно, что я прихожу к заключению о необходимости воздержаться до моего возвращения в Петербург от всяких бесповоротных решений и мер» [4, № 178].

Итак, Франция и Англия не только отказались поддержать проект России, но и сделали все возможное, чтобы он не был осуществлен. Они выступили также против предоставления свободы действий России в ее переговорах с турецким правительством по

этим вопросам. Ни Франция, ни Англия не могли согласиться на усиление России без соответствующих для себя компенсаций. Ловкая и последовательная политика союзников России по отношению к демаршу Н. В. Чарыкова явилась одной из главных причин прекращения русско-турецких переговоров.

Отрицательное отношение европейских держав к русскому проекту о проливах предопределило и отрицательное отношение Порты к предложениям Н. В. Чарыкова. 21 декабря 1911 г. турецкое правительство отвергло предложения Н. В. Чарыкова, сославшись на то, что для защиты своей независимости Турция должна сама оставаться хозяином проливов, не связывая себя договорами с другими странами [2, с. 654].

За два месяца переговоры России с Турцией не продвинулись ни на шаг; сложившуюся ситуацию кратко можно было охарактеризовать как возврат к исходному положению. 12 октября 1911 г. Н. В. Чарыков вручил великому визирю Турции Саиду-паше конфиденциальное письмо, в котором он излагал свои личные, частные соображения как основу для будущих дружественных переговоров между Турцией и Россией. 10 декабря С. Д. Сазонов через А. А. Нератова поручил Н. В. Чарыкову не выходить за пределы частного характера обмена мыслей с турками относительно проливов [4, с. 173]. Поэтому ответ и выступления Порты в связи с предложениями Н. В. Чарыкова российское Министерство иностранных дел будет рассматривать как частное мнение Турции [4, с. 191].

Выполняя инструкции С. Д. Сазонова, Н. В. Чарыков не только прекратил всякие официальные переговоры с Портой, но и позаботился о том, чтобы константинопольские политические круги и печать были соответствующим образом осведомлены о мнении Российского императорского правительства на тот счет, что «вопроса» о проливах нет [4, с. 204].

Если в начале своего выступления Н. В. Чарыков, вопреки здравому смыслу, слепо верил, что при помощи Англии Россия может достигнуть соглашений с Турцией, то через два месяца он убедился, что первой, кто

противостоял во внешнеполитических делах России, была Англия. 18 декабря 1911 г. Н. В. Чарыков писал С. Д. Сазонову, что «без Англии и тем более против Англии невозможно провести здесь этой формулы» [4, с. 204].

Таким образом, Н. В. Чарыков, этот весьма опытный царский дипломат, великолепно изучивший сложные ближневосточные отношения, предполагая добиться соглашения между Турцией и Россией в 1911 г., просчитался в главном. Ни Россия, ни Турция, ни тем более балканские монархии не имели достаточных возможностей для оказания решающего воздействия на балканские и ближневосточные дела. За спиной Порты и балканских государств стояли главные режиссеры ближневосточной политики – Англия и Франция, которые не были заинтересованы в положительном для царской России решении вопроса о проливах.

В феврале 1912 г. императорский посол гофмейстер Чарыков, в программу которого

входило поддержание добрососедских отношений с Турцией, был отозван из Стамбула и назначен сенатором. Признавая вполне правильной мысль, что каждое государство может сменить своего посла в любое время, турки, а вместе с ними и все представители прочих держав не могли, однако, не обратить внимания на форму этой смены, которая всей печатью была озаглавлена как «немилость» послу за его симпатии к Турции. Несмотря на уверения России, что смена посла не означает перемены политики России, туркам тем не менее факт этот не вселил веры в дружелюбие России, и послу в знак этого при отъезде были устроены демонстративно торжественные проводы [5, л. 123].

Как мы видим, российская дипломатия заблуждалась, веря в лояльное отношение партнеров по Тройственному соглашению к предпринимаемым Н. В. Чарыковым переговорам. Англия и Франция ничего не имели против открытия проливов для военных судов всех наций, а не только для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политики Франции 1898–1914: Очерки истории дипломатической борьбы Франции за Ближний Восток. Киев, 1964. 480 с.
2. Галкин И. С. Демарш Чарыкова в 1911 г. и позиция Европейских держав. // Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. ст. в память академика Евгения Викторовича Тарле. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 633–656.
3. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Серия II. 1900–1913. Т. XVIII (2). Л.: Государственное издательство политической литературы, 1939. 382 с.
4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Серия II. 1900–1913. Т. XIX (1). Л.: Государственное издательство политической литературы, 1939. 332 с.
5. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 609. Оп. 2. Ед. хр. 276. 241 л.
6. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999. 557 с.
7. Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911–1912. М.: Наука, 1967. 204 с.
8. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 30. Berlin, 1925. 593 s.
9. Österreich-Ungarische Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 zum Kriegsausbruch 1914. Bd. III. Wien, Österreichischer Bundesverlag, 1930. 837 s.